О «великих проповедниках древней Руси» Иларионе и Кирилле Туровском трактует R. Mayer в статье «Die grossen Prediger Altrusslands» (Münchener Theologische Zeitschrift, II, 1951, стр. 235—250). K. Rose принадлежит монография под заглавием «Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Wesen—Gestalt—Geschichte» (Berlin, 1952). Пусть целевая основа этой изданной в ГДР книги и является просветительно-теологической, тем не менее вводная часть, особенно ее глава «Die Periode des byzantinischen Einflusses vom 11.—16. Jahrhundert» (стр. 39—62), содержит полезный материал, к которому присоединяются в текстовой части немецкие переводы древнерусских проповедей Луки Жидяты, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др. Работа отрецензирована F. v. Lilienfeld (Zeitschrift für Slawistik, II, 1957, стр. 473—475). Дальнейший материал о древнерусской проповеди, прежде всего об Иларионе (между прочим — первый немецкий перевод «Слова о законе и благодати»), дает новейшая публикация Розе: Grund und Quellort des russischen Geisteslebens. Von Skythien bis zur Kiewer Rus. Berlin, 1956 (= Studien aus dem Institut für Ost- und Südslavische Religions- und Kirchenkunde der Humboldt-Universität, Bd. I). K. Kasper недавно защитил в Берлинском университете имени Гумбольдта диссертацию «Die Predigtliteratur der Kiewer Rus als Spiegel der Zeit». Скорейшее ее опубликование было бы очень желательно.

Издание «Russische Heiligenlegenden. Übersetzt und erläutert von G. Apel, E. Benz, W. Fritze, A. Luther und D. Tschižewskij. Herausgegeben und eingeleitet von E. Benz» (Zürich, 1952) представляет собой обширную хрестоматию древнерусской житийной литературы в немецком переводе, которая дает немецкому читателю широкое представление об этом важном виде древнерусской литературы. Древнерусская агиография привлекает особое внимание некоторых немецких славистов.[12] Д. Чижевский в своей статье «Anklänge an die Gumpoldslegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität" der slavischen mittelalterlichen Werke» (Wiener slavistisches Jahrbuch, I, 1950, стр. 71—86) занимается вопросом западнославянского влияния.[13] В работе «Studien zur russischen Hagiographie: Die Erzählung vom hl. Isaakij» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 22—49) он рассматривает рассказ о четырех монахах Печерского монастыря, который содержится в летописи Нестора под 1074 г. и который затем, разбитый на четыре отдельные части, попал в Киево-Печерский патерик. Легенда об Исаакии — так называет Чижевский упомянутый рассказ о четырех монахах — кажется ему сочинением с определенной тенденцией, направленной против опасности слишком строгой аскезы. При этом он разделяет мысль, выдвинутую в свое время Н. Никольским (см: Русская мысль, 1913, № 6, стр. 1—23), о том, что русское христианство в XI столетии проповедовало более мягкий и оптимистичный жизненный идеал, чем в позднейшее время. Основательным знатоком сюжета о Борисе и Глебе в последние годы стал L. Müller. До настоящего времени его вкладами в этот сложный текстологический вопрос являются: «Die nichthagio-

---

[12] В этой связи интересно замечание историка G. Stökl'я, который в своем обзоре «Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik», I (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., III, 1955, стр. 13 и сл.) хвалит издательскую технику советских ученых, но, однако, порицает то небольшое внимание, которое выпадает в СССР на долю агиографии, как «сильно текучего вида источников».

[13] Отголоска чешской легенды в Киевской Руси касается статья: K. Onasch. Der cyrillo-methodianische Gedanke in der Kirchengeschichte des Mittelalters. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, № 1, стр. 27—40.